

Оксана Подобед

Mafiafell:

"...be careful,

songbird"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Оксана Подобед

Mafiafell: "...be careful, songbird"

«Автор»

2026

Подобед О.

Mafiafell: "...be careful, songbird" / О. Подобед — «Автор», 2026

Калифорния, заснеженный округ Серфейс, зима 1926 года. Время Сухого закона, когда каждый доллар и каждый глоток контрабандного спирта имеют свою физическую цену. Округ прочно зажат в тиски теневой корпорации братьев Гастер, а местная полиция послушно закрывает глаза на накладные листы синдиката. Фриск Мэттисон привыкла рассчитывать только на собственную сдержанность и тяжелый револьвер тридцать восьмого калибра в кармане платья. Она поет блюз в дешевом кабаре на рабочей окраине и пытается сохранить независимость. Но когда заведение закрывают за долги, её привычный уклад рушится. В это же время в горном тумане Сьерра-Невады начинает действовать тайная группа «Six Soul» под руководством бывшего генерала Чарити Лоуренса, готовая разрушить криминальную империю изнутри. Невидимое кольцо сжимается. И в этом холодном, циничном мире, где под ногами всегда скользкий лед, чужая костяная рука может стать единственной опорой. Главное — помнить: в тумане нужно быть очень осторожной.

© Подобед О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Крот в горном тумане	5
Глава 2. Объявления в утреннем выпуске	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Mafiafell: "...be careful, songbird"

Глава 1. Крот в горном тумане

Тяжелый, удушливый смог, пропитанный серой и мазутной гарью от ближайших текстильных мануфактур, лениво перекачивался через грунтовые дороги Восточного сектора, смешиваясь с заснеженной калифорнийской изморосью. Зима плотно зажала округ Серфейс в тиски, и у самого подножия горного хребта Сьерра-Невада сумерки наступали резко, словно кто-то задувал фитиль в керосиновой лампе. Наледь на дощатых тротуарах схватывалась за считанные минуты, превращая неровные настилы в опасный каток. По этим обледенелым доскам, аккуратно переставляя ноги, шла женщина. На ней не было легкого шелкового платья с заниженной талией или легкомысленной шляпки-клош, которые обожали обеспеченные девицы из Центрального сектора, козырявшие модой нынешнего года. Плотная костюмная шерсть темно-фиолетового цвета надежно защищала тело от пронизывающего ветра, дующего со стороны заснеженного массива Эбботт. Тяжелые кожаные ботинки на толстой подошве без каблука глухо стучали по настилу, обеспечивая устойчивость там, где ломали каблуки приезжие туристки. Каштановые волосы, остриженные в строгое, ровное каре-боб, едва колыхались у бледных щек. Тонкие губы были плотно сжаты в узкую линию — лицо выражало ту степень привычной усталости, которая становится естественной деталью внешности любого человека, выживающего на рабочих окраинах за счет собственного труда.

В глубоком внутреннем кармане юбки, скрытый складками плотной шерсти, лежал короткоствольный револьвер тридцать восьмого калибра, чья рукоять была отделана шероховатыми накладками из прессованного рога. Металл охлаждал бедро через подкладку, но это ощущение не вызывало у женщины желания протестовать или идти на баррикады. Оружие являлось лишь безмолвной, уединенной границей её независимости, чертой безопасности, которую она провела для себя сама в чужом городе. До сих пор ей не приходилось нажимать на спусковой крючок, и житейская логика подсказывала, что лучшим исходом будет и дальше сохранять этот патрон в барабане нетронутым. Родственники остались далеко на Восточном побережье, их редкие письма приходили на почтамт раз в несколько месяцев, и Фриск Мэттисон давно привыкла рассчитывать только на собственную наблюдательность и трезвый расчет.

Тупик трамвайной линии встретил её привычным скрежетом железных колес разворачивающегося вагона. Чуть поодаль, в полуподвальном помещении старого кирпичного здания, тускло светила вывеска третьесортного кабака «Хмельной крот». Заведение располагалось в самом глухом углу района, куда приличные клерки из Университетского пригорода брезговали спускаться даже ради дешевой выпивки. Фриск потянула на себя тяжелую дубовую дверь, окованную железными полосами, и сразу окунулась в плотную, слоистую атмосферу подвала. Внутри пахло прелым углем из чугунной печи, установленной в углу, пролитым кислым элем, застарелым дешевым табаком и сыростью, которая поднималась от пола каждую зиму.

За барной стойкой, тускло поблескивая серым мехом в свете единственной электрической лампы, возилась мисс Грейс. Пожилая женщина-монстр, чья вытянутая мышьяная мордочка всегда выражала крайнюю степень тревоги перед возможными проверками или задержкой аренды, методично протирала серым полотенцем толстостенные стеклянные стаканы. Её бытовая магия была настолько слаба, что её едва хватало на то, чтобы поддерживать легкую вибрацию воздуха вокруг оловянных ведерок с колотым льдом, не давая ему превратиться в талую воду раньше времени.

В противоположном конце зала, у крошечной дощатой сцены, копошился старый Марти. Слепой монстр-крот, облаченный в потертый, лоснящийся на локтях смокинг, на слух настраивал старое пианино. Его когтистые толстые лапы уверенно перебирали пожелтевшие коста-

ные клавиши, извлекая из недр инструмента глухие, слегка расстроенные звуки. Интеграция монстров в повседневный быт американских городов давно стала делом обыденным и привычным; здесь, на окраине Серфейс-сити, никто не обращал внимания на форму черепа или наличие шерсти, если существо умело держать в руках инструмент или выполнять тяжелую работу на лесопилке.

Фриск прошла в тесную каморку за сценой, служившую одновременно складом для поломанных стульев и гардеробной. Она сняла теплое зимнее пальто, оставшись в закрытом шерстяном платье. Свободный круглый вырез на шее мягко прилегал к коже, полностью скрывая ключицы, а длинные рукава плотно обхватывали запястья. Девушка подошла к треснувшему зеркалу, поправила ровную линию челки и слегка коснулась пальцами бледных губ, на которых не было ни следа помады. Её стиль был далек от вызывающей яркости эстрадных певиц из Центра, но рабочих железнодорожников, собиравшихся здесь после двенадцатичасовых смен, привлекала именно эта спокойная, домашняя строгость.

Из основного зала донесся раздраженный, визгливый голос. Берк, полнотелый мужчина в поношенном костюме в крупную полоску, сутился возле кассы. Владелец «Хмельного крота» нервно пересчитывал кучу мелких долларовых банкнот и серебряных центов, постоянно сбиваясь со счета и бросая свирепые взгляды на входную дверь. Заведение приносило одни убытки, и Фриск, обладая природной зоркостью к чужому поведению, давно заметила, что их наниматель увяз в каких-то теневых обязательствах. Его руки дрожали, когда он складывал накладные листы, а под глазами залегли темные мешки от хронической бессонницы. Берк пытался сохранить спесивый вид важного коммерсанта, но его суетливые движения выдавали панический страх мелкого лавочника, который крупно проигрался или связался с силами, чьи экономические расчеты не прощали ошибок.

Фриск вышла из каморки, мягко ступая по деревянному полу. На инстинктивном уровне, взращенном годами одинокого выживания, она чувствовала, как в воздухе полуподвала сгущается невидимое, липкое напряжение. Житейская логика подсказывала, что этот вечер не будет похож на обычную рабочую смену, но у нее не было иных источников дохода, а арендная плата за квартиру №12 должна быть внесена ровно через три дня. Она спокойно подошла к пианино, коснулась плеча старого Марти и вежливо улыбнулась мышинной мордочке мисс Грейс, стараясь сохранить привычный внутренний покой перед тем, как зал начнет заполняться первыми посетителями, ищущими спасения от горного тумана.

Зал постепенно заполнялся уставшими людьми и монстрами, принесшими с улицы запах мокрого сукна, прелой хвои и табачной гари. Рабочие с лесозаготовительных платформ и ткачи с нижних мануфактур занимали скрипучие деревянные стулья, требуя у мисс Грейс дешевого эля и ржаного виски. Оловянные ведерки на столах глухо звякали, когда в них швыряли колотый лед. Фриск поднялась на три ступени крошечной сцены, тускло освещенной парой ламп в жестяных абажурах. Она подошла к массивному угольному микрофону компании Bell, стоявшему на облупившейся металлической стойке, и прикрыла глаза. Старый Марти за пианино взял первый тяжелый, тягучий аккорд, и полуподвал наполнился плотными, вибрирующими звуками блюза.

Фриск пела негромко, но её голос, лишенный эстрадной крикливости, обладал странной, обволакивающей густотой, которая заставляла грохочущих кружками рабочих затихать. Она не использовала театральных жестов, держала руки опущенными вдоль швов своего фиолетового шерстяного платья, и лишь фаланги пальцев едва заметно сжимались в такт музыке.

Love, oh love, oh careless love, You've flyed to my head like wine, You've wrecked the life of many a poor girl, And you nearly wrecked this life of mine.

Строки старого джазового стандарта летели над залом, смешиваясь с сизым дымом сигарет Camel. Исполняя вторую часть куплета, Фриск медленно повернула голову в сторону барной стойки и зафиксировала странное движение. Её зоркие карие глаза отметили, что Берк,

воспользовавшись тем, что все посетители отвлечены музыкой, судорожно вытаскивает из-под тяжелого кассового аппарата небольшую деревянную коробку. Владелец заведения действовал воровато, постоянно оглядываясь на вход. Фриск заметила, как он наспех трамбует внутрь коробки пачки зеленых банкнот и длинные узкие листы официальных ведомостей, после чего аккуратно задвигает её под нижнюю полку с пустыми бутылками, прикрывая грязной мешковиной. Трезвый ум женщины мгновенно сложил эти детали в четкую картину: хозяин кабаре готовился к спешному побегу, собирая чистую выручку и уничтожая следы учета.

В этот момент тяжелая дубовая дверь «Хмельного крота» распахнулась с коротким, резким скрипом железных петель. В полуподвал ворвался густой, морозный горный туман Сьерра-Невады, заставив лампы под потолком качнуться. На пороге появился мужчина среднего роста, чья фигура в тяжелом темном пальто казалась монолитной на фоне белесой уличной сырости. Шерстяной шарф винного цвета был небрежно обмотан вокруг шеи, скрывая нижнюю часть бледного лица, но вечная, мягкая улыбка и золотой зуб, блеснувший в тусклом свете, были видны сразу. Зрачки вошедшего скелета светились спокойным, едва заметным красным цветом.

За ним безмолвно вошли двое рослых сопровождающих в одинаковых фетровых шляпах-федорах, чьи полы были опущены, скрывая лица. Они не были похожи на обычных посетителей окраин; под сукном их добротных пальто угадывались жесткие контуры тяжелых револьверов. От вошедших пахло не фабричной гарью, а ледяным ветром перевалов и дорогим, крепким табаком Lucky Strike.

По залу мгновенно прокатился тихий, едва слышный ропот, который тут же сменился мертвой, давящей тишиной. Даже пьяные железнодорожники в углу резко опустили кружки на столы, почувствовав, как изменилась плотность воздуха в помещении. Фриск не знала имени этого монстра, она никогда не видела его в лицо и не читала официальных отчетов Семьи Гастер, но её инстинкт выживания, обостренный годами одиночества, сработал безошибочно. Внутри её груди зашевелилось холодное предчувствие смертельной опасности. Этот скелет с тусклыми красными зрачками не был просто криминальным элементом — от него веяло системной, абсолютной силой, которая управляла этим округом так же естественно, как законы гравитации управляли камнями, падающими с массива Эбботт.

Марти за пианино, почувствовав перемену в атмосфере, плавно завершил музыкальную фразу, и последний аккорд растаял в душливом воздухе подвала. Фриск спокойно отошла от микрофона, не делая резких движений, и спустилась со сцены. Она видела, как Берк за барной стойкой мгновенно покрылся крупной испариной, его лицо приобрело грязновато-серый оттенок, а пухлые пальцы судорожно вцепились в край деревянной столешницы, словно он пытался удержать равновесие на тонущем корабле. Вошедший монстр лениво оглядел периметр зала, не задерживая взгляд ни на одном из замерших посетителей, и медленным, размеренным шагом направился в глубь кабаре, ближе к теплу чугунной печи.

Санс шел неторопливо, и в такт его шагам из глубокого кармана жилета доносился частый, сухой клик — звук перекатываемых серебряных долларов, который действовал на замерших посетителей как метроном грядущей катастрофы. Он опустился на свободный стул у кирпичной перегородки, аккуратно расстегнул верхнюю пуговицу тяжелого пальто и положил руки в серых шерстяных митенках на стол. Сопровождающие его громилы остались стоять у входа, перекрыв массивную дверь своими широкими спинами и полностью отрезав подвал от заснеженной улицы. Red-зрачки скелета лениво скользнули по шербатым стенам, задерживаясь на стыках потолочных балок и трещинах в старой кладке с дотошностью профессионального инженера, оценивающего остаточную стоимость конструкции.

— Мисс Грейс, будьте так добры, — голос Санса прозвучал негромко, с легкой, едва заметной хрипотцой, но из-за гробовой тишины его услышал каждый присутствующий. — Черный кофе. Погорячее. Из свежей пригоршни, если вас не затруднит.

Пожилая женщина-монстр судорожно кивнула, едва не выронив полотенце, и бросилась к керосинке, где стоял медный кофейник. Берк в это время пытался изобразить на лице подобие радушной улыбки, но его выдавала крупная дрожь в коленях и то, как часто он сглатывал сухую слюну. Хозяин заведения понимал, что этот визит не имеет ничего общего с обычным сбором налогов, но не смел нарушить затянувшийся кофейный ритуал прибывшего коллектора.

Санс спокойно ждал, продолжая механически извлекать сухой щелчок из серебряных монет внутри кармана. Когда перед ним появилась дымящаяся фарфоровая чашка, от которой пошел густой, горький аромат зерен Folgers, он не спеша поднес ее к лицу, вдыхая обжигающий пар. Вечная мягкая улыбка на его черепе оставалась неизменной, скрывая любые мысли, пока он делал первый крошечный глоток. Его винный шарф слегка сдвинулся, обнажая белизну шейных позвонков.

Пока скелет изучал обстановку, в его голове уже выстраивался точный коммерческий расчет. Он прикидывал площадь полуподвала, удобство расположения у тупика трамвайных путей и то, сколько Семья сможет выручить, если после неминуемого закрытия лавочки Берка сдать этот периметр под оптовый склад контрабандного текстиля или новую точку распределения спирта для Восточного сектора. Ему было дико лень тратить время на мелких должников, но порядок в ведомостях Папируса требовал закрытия этой двухтысячной брешки.

Фриск стояла у края сцены, скрестив руки на животе, где плотная ткань платья скрывала ее размеренное, глубокое дыхание. Она не отводила зоркого взгляда от гостя, подмечая и серые митенки, и золотой блеск зуба, и то, как уверенно этот монстр чувствовал себя в чужом пространстве. В ее сознании не было страха, парализующего волю, — лишь трезвое понимание того, что правила игры в «Хмельном кроте» изменились окончательно.

Время тянулось невыносимо медленно для всех, кроме Санса, который смаковал напиток с абсолютным, издевательским спокойствием. Стрелка старых настенных часов в латунном корпусе методично приближалась к полуночи. Посетители, не выдерживая гнетущей атмосферы и понимая, что заведение закрывается из-за позднего времени, начали по одному подниматься со своих мест. Они оставляли центы на столах и боком, стараясь не привлекать внимания громил у дверей, проскальзывали наружу, исчезая в густом горном тумане. Санс даже не повернул головы в их сторону. Он ждал, пока зал опустеет естественным путем, чтобы избавить Семью от лишних свидетелей и шума, который мог бы привлечь внимание случайного патрульного шерифа. Когда последняя пара рабочих юркнула за дверь, мисс Грейс с тихим щелчком заперла вход на тяжелый засов. В кабаре остались только свои.

В зале повисла тяжелая, гулкая тишина, нарушаемая лишь редким потрескиванием остывающего угля в печи. Санс аккуратно опустил фарфоровую чашку на блюдце, и этот короткий фарфоровый стук прозвучал в пустом подвале как выстрел. Клик серебряных монет в его кармане прекратился. Скелет медленно поднялся со стула, небрежно поправил винный шарф на шее и двинулся к барной стойке, на ходу вытаскивая из внутреннего кармана тяжелого пальто узкий, сложенный вдвое лист официальной ведомости Семьи.

— Мистер Берк, — произнес Санс сухим, деловым тоном, в котором не было ни капли злости, а лишь леденящая скука аудитора. — Накладной лист номер сорок два от ноября прошлого года. Семья предоставила вам логистический коридор и товар на сумму две тысячи семьсот долларов. Срок закрытия ведомости истек в прошлый вторник. Нам нужен расчет. Прямо сейчас.

Хозяин заведения, чья полосатая жилетка была уже насквозь мокрой от пота, судорожно схватился за латунный поручень стойки. Его лицо перекошилось от трусливой паники, а в голосе появились визгливые, заискивающие нотки мелкого дельца, загнанного в угол.

— Мистер Гастер, побойтесь Бога, какие деньги! — Берк всплеснул руками, переводя дышащий перегаром взгляд со скелета на замерших у сцены сотрудников. — Меня обокрали! Городской туман забил головы этим бездельникам! Откуда у меня прибыль, если касса пуста?

Это всё они! — он резко ткнул толстым дрожащим пальцем в сторону Фриск и застывшего у пианино старого Марти. — Эта девка со сцены и слепой крот всю зиму тащили центы из-под кассы! Они обчистили меня до нитки, мистер Гастер! Спросите Грейс, они постоянно крутились у выручки! Проверьте их карманы, всё до последнего цента там!

Мисс Грейс от ужаса прижала серые лапки к мышинной мордочке и тихо заскулила, не зная, как оправдаться перед грозным коллектором. Берк дышал тяжело и часто, надеясь, что Семья сорвет злость на беззащитном персонале и даст ему выиграть время.

Фриск слушала этот поток грязной лжи с абсолютным, внешним спокойствием. Её тонкие губы даже не дрогнули. Житейская логика подсказывала, что молчание сейчас сделает её соучастницей чужого краха, а робкие слезы лишь укрепят подозрения этого опасного монстра в митенках. Она сделала два размеренных шага вперед, удерживая руки на виду, вдоль швов своего фиолетового платья. Её карие глаза смотрели на Санса ровно, без вызова, но с той зоркой твердостью, которая рождается у людей, привыкших отвечать за каждый свой шаг.

— Мистер Гастер, — прозвучал её голос. Он был на удивление мягким, вежливым и почти милым, лишенным всякой дерзости или страха. — Наш наниматель, вероятно, изволит искренне заблуждаться из-за сильного волнения. Дело в том, что за последние три месяца мисс Грейс не выдала нам ни одного полного недельного чека, ссылаясь на тяжелые времена в округе. Мы работали за простую еду и тепло от этой печи.

Фриск слегка склонила голову набок, и её аккуратное каре-боб качнулось у бледной щеки. Она перевела взгляд на Берка и продолжила всё тем же кротким, уважительным тоном, от которого у хозяина заведения похолодели внутренности:

— И если мистер Берк так сильно переживает за сохранность отчетности вашей уважаемой компании, ему, должно быть, просто тяжело наклоняться к нижней полке. Прямо за бутылками с кислым элем, под куском старой грязной мешковины, лежит деревянная коробка. Наш наниматель спрятал её туда ровно пятнадцать минут назад, в середине моего выступления. Думаю, финансовый аудит вашей Семьи найдет там много ответов на вопросы о пустой кассе.

Берк издал короткий, задушенный звук, похожий на хрип тонущего человека, и его пухлая рука непроизвольно дернулась к карману брюк, но тут же застыла. Санс медленно перевел взгляд тусклых красных зрачков с побелевшего лица ресторатора на стоявшую у края сцены женщину. В его пустых глазницах не отразилось ни удивления, ни гнева. Вечная мягкая улыбка на бледном черепе, казалось, стала чуть шире, зафиксировав эту неброскую фигуру в фиолетовом шерстяном платье. Он оценил её трезвый, холодный расчет и то, с какой изящной, вежливой точностью эта кроткая с виду пташка только что перерезала своему боссу пути к отступлению. В ней не было глупой уличной дерзости, но присутствовал тот прочный гражданский стержень, который Санс редко встречал на рабочих окраинах Серфейс-сити.

Скелет лениво повернулся спиной к Берку и сделал едва заметный кивок головой в сторону барной стойки. Один из сопровождающих его молчаливых громил, грузно ступая тяжелыми подошвами по доскам, безэмоционально подошел к указанному месту. Он бесцеремонно отодвинул замершую мисс Грейс, наклонился и с сухим шуршанием вытащил из-под нижней полки ту самую деревянную коробку, смахнув с её крышки обрывки грязной мешковины. На стол перед Сансом легли плотные пачки зеленых банкнот, перехваченные аптечными резинками, и несколько узких расчетных листов, исписанных неровным почерком Берка.

— Какая досадная рассеянность, мистер Берк, — негромко произнес Санс, и в его хриловатом голосе проступила ленивая, издевательская ирония. — Забыть о целом филиале собственного казначейства прямо под ногами. Наш Папирус очень не любит, когда в итоговых ведомостях снабжения не сходится даже один цент. Это портит ему настроение, а портить настроение младшим братьям — плохая примета в нашем округе.

Скелет протянул руку в серой митенке и длинными фалангами пальцев начал методично, с профессиональной быстротой пересчитывать изъятые наличные. Бумажные доллары изда-

вали плотный, сухой шелест в тишине подвала. Берк стоял неподвижно, из его открытого рта вырывалось лишь сиплое, прерывистое дыхание; он понимал, что любые оправдания перед этим хладнокровным коллектором теперь равны признанию собственной ликвидации.

Санс отделил от общей массы три одинаковые стопки плотных купюр. Его красные зрачки скользнули по замершему персоналу кабаре, вычисляя законный остаток по трудовым книжкам.

— Семья Гастер всегда уважает чужой честный труд и не забирает то, что заработано чужими руками, — Санс пододвинул первую стопку к мышинной мордочке задрожавшей барменши. — Это ваш расчет, мисс Грейс. Восемьдесят пять долларов. Заведение «Хмельной крот» с этой минуты официально объявляется ликвидированным и закрывается на бессрочный аудит. Имущество переходит на баланс центрального банка. Свободны.

Затем он протянул вторую стопку слепому кроту Марти, который молча принял деньги своими толстыми когтистыми лапами и коротко наклонил голову в знак благодарности. Наконец, Санс повернулся к Фриск. Он удерживал стопку из нескольких двадцатидолларовых банкнот и одной пятидолларовой бумажки между указательным и средним пальцами. Для одинокой женщины на рабочей окраине восемьдесят пять долларов были колоссальной суммой, превышающей средний месячный бюджет выживания, — эти деньги гарантировали ей тепло у чистого камина и оплату квартиры №12 на пару месяцев вперед.

Фриск сделала размеренный шаг вперед. Она аккуратно приняла плотную бумагу, стараясь не коснуться холодных костей скелета. Её карие глаза оставались спокойными и зоркими. Плавным движением она опустила банкноты в глубокий карман шерстяной юбки, туда, где металл тридцать восьмого калибра с роговыми накладками безмолвно охранял её независимость. Санс зафиксировал это движение, и сухой клик серебряных монет в его жилете возобновился с новой, едва заметной частотой.

— Благодарю вас за честный аудит, мистер Гастер, — вежливо и кротко произнесла Фриск, слегка наклонив голову, после чего повернулась к каморке, чтобы забрать свое зимнее пальто.

Санс лениво повернулся к своим людям у двери, и его улыбка на мгновение потеряла всякую мягкость, став хищной и деловой.

— Проводите мистера Берка в подсобное помещение за сценой, — небрежно скомандовал он, поправляя винный шарф на шее. — Нам нужно зафиксировать некоторые юридические формальности по накладным листам. В непубличной обстановке. Чтобы не нарушать тишину района.

Громилы Семьи слаженно, без лишней суеты подхватили обмякшего Берка под локти. Бывший владелец кабаре даже не пытался сопротивляться — его ноги волочились по грязным доскам пола, оставляя глубокие борозды в слое шерстяной пыли и прелого угля. Тяжелая дверь подсобного помещения, где хранились поломанные венские стулья и пустые ящики из-под эля, закрылась за ними с плотным, глухим стуком, отрезав звуки внешнего мира.

Санс прошел следом, лениво прикрыв за собой створку и заперев её на массивный латунный засов. Внутри каморки пахло мышинным пометом, сырой штукатуркой и канифолью. Полевой командир Семьи не чувствовал ни гнева, ни азарта; для его инженерного ума эта процедура была такой же утилитарной и привычной делом, как замена лопнувшего реле в распределительном щите. Он спокойно подошел к запыленному стеллажу, опустился на край крепкого деревянного ящика и вытащил из кармана тяжелого пальто пачку сигарет Lucky Strike. Спичка с сухим треском вспыхнула в его фалангах, осветив бледные скулы и тусклые красные зрачки, которые в полумраке подсобки казались двумя каплями свежей крови.

Берка уже усадили на единственный уцелевший стул в центре комнаты. Мужчина мелко дрожал, его полосатая жилетка окончательно промокла от холодного пота, а изо рта вырывалось сиплое, прерывистый шепот, умоляющий о пощаде. Сопровождающие Семьи действовали

профессионально и молчаливо — один из них зафиксировал плечи должника, намертво прижав его к деревянной спинке, а второй жестко перехватил его правую кисть, распрямив пухлые пальцы на шершавой поверхности стола.

— Тише, мистер Берк, — негромко произнес Санс, выпуская струю горького табачного дыма под темный потолок. — В Восточном секторе сейчас слишком поздний час для воплей. Мы ведь цивилизованные бизнесмены, верно? Корпорация WDG Holdings всегда работает строго по утвержденному прейскуранту. Наш Председатель ценит точность. Две тысячи семьсот долларов невыполненных обязательств. Часть мы компенсируем изъятиями наличными и правами на этот подвал. Но за просрочку накладного листа и попытку дезинформации аудита полагается отдельный расчет. По таксе Семьи — ровно сто пятьдесят долларов за одну фалангу.

Скелет сделал глубокую затяжку, не сводя тусклого красного взгляда с зажмурившегося человека. Сансу было дико лень тратить энергию, но установленный Вингдингсом порядок держался именно на этой неотвратимой, безмолвной математике. Нарушение договора должно было иметь осязаемую физическую цену, иначе логистическая сеть Округа Серфейс рухнула бы за неделю.

Один из исполнителей, получив беззвучный приказ командира, плотно прижал ладонь Берка к дереву. Санс не стал вставать. Он лишь слегка шевельнул фалангами левой руки в серой шерстяной митенке, и из-под дощатого пола подсобки с сухим, леденящим треском вырвался узкий, плотный костяной монолит. Магия подчинилась законам физики мгновенно и безжалостно. Направленный удар физического объекта пришелся точно по суставам мизинца и безымянного пальца ресторатора. Раздался отчетливый, сухой хруст ломаемых костей, похожий на звук переламываемых сухих веток зимней туи.

Берк судорожно выгнулся всем телом, его глаза выкатились из глазниц, а лицо приобрело багрово-синюшный оттенок. Из его горла готов был вырваться дикий, оглушительный крик, способный поднять на ноги всю рабочую окраину, но второй громила Семьи мгновенно и жестко впечатал толстый кусок грязной мешковины прямо в открытый рот мужчины, заглушая все звуки. Вой должника превратился в задушенное, утробное мычание, которое не могло пробиться даже сквозь плотные дубовые двери каморки.

Санс спокойно стряхнул сигаретный пепел на пол. Костяной монолит с тихим шорохом ушел обратно в грунт, оставив после себя лишь две узкие трещины в старых досках. Скелет выждал ровно полминуты, пока дыхание избитого Берка не стало более ровным, после чего поднялся с ящика, поправляя винный шарф на шее. Юридические формальности по закрытию ведомости номер сорок два были выполнены без единой пометки. Насилие сработало как точный инструмент контроля, не оставив на стенах ни единой капли лишней грязи.

Он повернул лагунный засов, открывая дверь обратно в опустевший, темный зал кабаре, где у самого выхода, застегивая пуговицы своего плотного зимнего пальто, спиной к нему стояла каштановолосая певица. В её глубоком кармане шерстяного платья лежали честно заработанные восемьдесят пять долларов, и Санс, ухмыльнувшись, зафиксировал, как плавно и уверенно эта кроткая птичка держит спину перед выходом в ледяной горный туман.

Санс медленно вышел из подсобного помещения, аккуратно прикрыв за собой дубовую створку. В зале кабаре «Хмельной крот» царил полумрак — электрический свет был выключен, и лишь тусклые отсветы уличных неоновых вывесок пробивались сквозь заиндевевшие полуподвальные окна, ложась цветными пятнами на пустые столы и оловянные ведерки для льда. Мисс Грейс и слепой тапер Марти уже покинули заведение через служебный выход, оставив помещение на баланс безмолвных громил Семьи. У самого порога, спиной к нему, стояла женщина. Она не торопилась, плавными движениями застегивая латунные пуговицы своего тяжелого зимнего пальто.

Каштановое каре-боб ровно обрамляло её бледное лицо, когда она обернулась на сухой стук костей Санса. В её карих глазах, слегка прикрытых веками от усталости, не было паники,

которая обычно охватывала людей при встрече с полевыми командирами Семьи. Она обладала умом простого, выживающего человека, и житейская логика подсказывала ей, что этот монстр в винном шарфе уже завершил свою официальную работу на сегодня.

— Вы проявили завидную наблюдательность, мисс Мэттисон, — негромко произнес Санс, останавливаясь в нескольких шагах от неё. Его голос, хриловатый и низкий, звучал спокойно, лишенный той деловой сухости, с которой он разговаривал с Берком. Вечная мягкая улыбка оставалась на его черепе, а тусклые красные зрачки внимательно изучали её закрытую фигуру. — Не каждый сотрудник в этом секторе рискнет портить отношения с нанимателем ради точности чужих ведомостей.

Фриск повернулась к нему полностью, удерживая руки в глубоких карманах пальто. Плотные банкноты расчета приятно тяжелили шерстяную ткань с одной стороны, уравновешивая вес тридцать восьмого калибра с другой. Она ответила ему всё тем же вежливым, почти кротким тоном, который скрывал её внутреннюю автономность лучше любых револьверов:

— Я лишь указала на факт, мистер Гастер. Гражданская мораль и здравый смысл требуют, чтобы за чужие накладные листы платил тот, кто их подписывал. Было бы крайне несправедливо оставлять мисс Грейс и Марти без зимнего пособия из-за чужой невнимательности.

Санс коротко ухмыльнулся, и золотой зуб на мгновение блеснул в полумраке зала. Его пальцы в серых шерстяных митенках привычно нащупали в жилете серебряные доллары, но крутить их он не стал, просто фиксируя для себя эту спокойную, сдержанную манеру речи. Ему нравилось, как эта птичка держит дистанцию.

— Справедливость — дорогая штука для рабочих окраин округа Серфейс, — заметил скелет, делая шаг ближе к выходу. — Но Семья ценит людей, умеющих вовремя закрывать чужую ложь. Жаль, что эта лавочка закрывается. У вас был хороший репертуар.

— Это была просто работа, — так же мягко и кротко отозвалась Фриск, разворачиваясь к выходу. — Доброй ночи, мистер Гастер.

Она потянула на себя массивную входную дверь. В лицо ей мгновенно ударил ледяной горный ветер Сьерра-Невады, принесший густые хлопья заснеженной измороси и плотный, душливый смог мануфактур. Дощатый настил порога за время её выступления успел покрыться тонкой, коварной коркой оледенелой сырости. Сделав первый шаг навстречу туманной ночи, Фриск не рассчитала угол наклона подошвы своего практичного ботинка. Нога скользнула по гладкому льду, и её тело на мгновение потеряло равновесие, готовое повалиться вперед, прямо на заснеженную брусчатку тупика трамвайных путей.

Она не успела испугаться. Длинные, жесткие фаланги пальцев в серой митенке мгновенно и надежно перехватили её за плечо, удерживая на месте с железной, неоспоримой силой, которая легко подчинила себе законы физики. Санс среагировал без единого лишнего звука, просто зафиксировав её корпус в пространстве и не дав упасть. Холод его костей отчетливо передался Фриск даже через плотное сукно её зимнего пальто.

Она восстановила опору, почувствовав под ногами твердый грунт, и обернулась, чтобы поблагодарить его. Санс медленно убрал руку, возвращая её в карман, и его тусклые красные зрачки оказались совсем близко. В его взгляде не было угрозы или предупреждения — лишь ленивый, почти дружеский житейский совет человека, который слишком хорошо знал изнанку этих заснеженных горных улиц.

— Будь осторожнее, птичка, — тихо, с мягкой хрипотцой произнес он, и вечная улыбка на его бледном черепе показалась почти теплой в этом морозном тумане. — Зима в этом году обещает быть скользкой.

Фриск кротко кивнула, поправляя воротник пальто, и сделала следующий, уже более выверенный шаг наружу. Тяжелая дубовая дверь за её спиной закрылась с плотным стуком латунного замка. Она пошла по оледенелым дощатым настилам в сторону своей квартиры №12, унося в кармане восемьдесят пять долларов и полное отсутствие работы на ближайшие месяцы.

В её груди, вопреки привычному покою, медленно зарождалось странное, фоновое беспокойство, природа которого была ей пока неясна. А на пороге ликвидированного кабаре, среди густого калифорнийского тумана 1926 года, Санс неторопливо зажигал новую сигарету Lucky Strike, провожая взглядом её удаляющийся фиолетовый силуэт и окончательно занося этот образ в свои личные ведомости.

Глава 2. Объявления в утреннем выпуске

Раннее утро в квартире №12 начиналось не с мягкого солнечного света, а с глухого, настойчивого скрежета железных лопат, которыми дворники-монстры счищали ночной намерзший наст с грунтовой дороги у тупика трамвайной линии. Фриск открыла глаза и тут же увидела свое дыхание — в маленькой комнате, зажатой между сырыми стенами многоквартирного деревянного дома, было по-зимнему прохладно. Морозные узоры на оконном стекле напоминали переплетения сухих, безжизненных веток туи, сквозь которые едва пробивался серый, забитый фабричной копотью калифорнийский рассвет. Накинув на плечи тяжелую домашнюю шаль из грубой шерсти, женщина спустила ноги с кровати и сразу почувствовала, как холод подвального этажа пробирается сквозь тонкие половицы. Медлить было нельзя — житейская логика требовала физического движения, чтобы согреть затекшие за ночь суставы и вернуть телу привычную рабочую собранность.

Она подошла к небольшому камину, у которого накануне вечером оставила последнюю небольшую горсть прелого угля, бережно завернутую в обрывок старой газеты. Латунный кран над раковиной в углу комнаты покрылся густой испариной; вода шла тонкой, ледяной струей, от которой ломило пальцы. Фриск привычными, выверенными движениями растопила очаг, дождавшись, пока по комнате распространится сухой, слегка кисловатый запах горячей угольной крошки. Одиночество в этом скромном пространстве давно перестало тяготить её, превратившись в безопасный, комфортный ритуал, где каждый предмет знал свое строгое место. Здесь никто не мог посягнуть на её автономию, и это ощущение независимости стоило каждой мерзлой зимней ночи.

Когда керосинка на столе слабо загудела, Фриск водрузила на нее выдавший виды жестяной кофейник с порцией недорогого черного кофе марки Folgers. Пока напиток медленно прогревался, наполняя каморку плотным, горьким ароматом, женщина села за деревянный стол и аккуратно выложила из кармана своего фиолетового платья банкноты, полученные накануне вечером от коллектора Семьи. Плотные бумажные доллары легли на чистую скатерть тремя ровными стопками. Восемьдесят пять долларов. Трезвый математический ум выживающего человека мгновенно распределил эту сумму на насущные нужды: двадцать пять — за аренду двенадцатой квартиры, еще пятнадцать — на уголь и дрова до конца января, двадцать — на базовые продукты вроде муки, бекона и яиц. Остаток составлял неплохую заначку, позволявшую не умереть с голоду в ближайшие недели. Но Фриск прекрасно понимала, что без постоянного места работы эти зеленые банкноты растают так же быстро, как колотый лед в оловянных ведерках «Хмельного крота».

Она налила обжигающе горячий кофе в толстостенную фарфоровую кружку, сделала один медленный глоток, позволяя горькой жидкости согреть горло, и поднялась, чтобы переодеться. Её выбор снова пал на практичное, закрытое платье из плотной синей шерстяной ткани с длинными до запястий рукавами и свободным круглым вырезом, который полностью скрывал ключицы от морозного сквозняка. Тонкие губы были плотно сжаты в ровную линию — бледность от усталости на лице никуда не делась, но в карих глазах, слегка прикрытых веками, читалась спокойная решимость. Тщательно застегнув все латунные пуговицы на пальто и проверив, надежно ли лежит в глубоком внутреннем кармане юбки тяжелый револьвер тридцать восьмого калибра с роговыми накладками, она потянула на себя дверную ручку и вышла на лестничную клетку, готовая встретиться с заснеженным городом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.